

вать эту книгу и удивился ее простоте и искренности, которой прежде не умел ценить».⁶⁶ Получив разрешение, Страхов процитировал это место в своей речи 14 февраля, присовокупив: «Я принес это письмо Федору Михайловичу, и это была одна из прекрасных минут и для него, и для меня, как свидетеля».⁶⁷ Завершил Страхов речь, зачитав большой отрывок из письма Толстого — отклик на смерть Достоевского. Письмо тогда впервые прозвучало; его будут позднее непременно цитировать во всех биографиях Достоевского. Неудивительно — это с большой силой и душевным жаром вылившееся слово о Достоевском, венок на его могилу от создателя «Войны и мира» и «Анны Карениной»: «Я никогда не видал этого человека и никогда не имел прямых отношений с ним; и вдруг, когда он умер, я понял, что он был самый близкий, дорогой, нужный мне человек. И никогда мне в голову не приходило меряться с ним, никогда. Все, что он делал (хорошее, настоящее, что он делал), было такое, что чем больше он сделает, тем мне лучше. Искусство вызывает во мне зависть, ум тоже, но дело сердца — только радость. Я его так и считал своим другом, и иначе не думал, как то, что мы увидимся, и что теперь только не пришлось, но что это мое. И вдруг читаю — умер. Опора какая-то отскочила от меня. Я растерялся, и потом стало ясно, как он мне был дорог, и я плакал и теперь плачу. На днях, до его смерти, я прочел „Униженные и оскорбленные“ и умилялся».⁶⁸

«Умилением» завершилась и главка «Пушкинский праздник» биографии: «Это не простой литератор, а настоящий герой литературного поприща. В его сочинениях много мыслей, приводящих в умиление; но и сам он, как человек, с таким трудом создавший свою судьбу, бодро вынесший столько тягостей и волнений, достоин умиления».⁶⁹

Тон высшего почтения к литературному подвигу Достоевского Страхов сохранял почти неизменно вплоть до прозвучавшего, как гром с безоблачного неба, исповедально-обличительного письма критика Толстому от 18 ноября 1883 года. Не было никаких признаков вдруг разразившейся бури. Более того, огорченный равнодушным, а точнее, неодобрительным отношением Толстого к статьям «Письма о нигилизме», печатавшимся в еженедельнике «Русь», Страхов просит прочесть их внимательнее и прислать отзыв, вспоминая при этом, каким чутким и усердным читателем его критики был покойный Достоевский: «Как живо мне вспомнился при этом Достоевский! Он был мой усерднейший читатель, очень тонко все понимал и не прочитал только *Писем о спиритизме*, потому что был в этом вопросе так раздражен, что не в силах был читать», — пишет он Толстому в мае 1881 года.⁷⁰

В конце июля 1882 года Страхов сообщает Толстому, что приступает к работе над биографией Достоевского. Просит всяческой помощи и советов: «Жду возможности поговорить с Вами об этом. Я попробую рассказать Вам, что знаю, и попрошу Вашего совета — как это делать? К чему направить весь труд?»⁷¹ Ответ Толстого не сохранился (а он, конечно, был), но, судя по всему, Толстой отказался выступить советчиком в трудном и деликатном

⁶⁶ Там же. С. 592.

⁶⁷ Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. Приложения. С. 67. Сказал в речи Страхов и о близости духовных путей Достоевского и Толстого, «двух наших лучших художников слова»: «Л. Н. Толстой всею своею натурою, всею симпатиею своего великого художественного чувства был направлен и устремлен к народу, и долгое и любовное созерцание народа открыло ему идеал, которым живет народ. Они не были знакомы друг с другом, но в последнее время оба все старались познакомиться».

⁶⁸ Там же. С. 69.

⁶⁹ Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. С. 321.

⁷⁰ Л. Н. Толстой и Н. Н. Страхов. Полное собрание переписки. Т. 2. С. 603.

⁷¹ Там же. С. 616.